

КОГДА СМЫЧОК ДОРОЖЕ ОСТРОЙ САБЛИ

Соб. интервью. - 1990. - 18.08. - с.5

Кажется, Достоевскому принадлежит мысль: для счастья нужно столько несчастья, сколько и счастья. Чтобы было, по-современному выражаясь, все поровну, все справедливо. Меня подмывало спросить у композитора народного артиста СССР Александра Григорьевича Арутюняна о том, чего же на его судьбу выпало больше — счастья или несчастья, добра или зла? Спросить бы спросил, так ведь ответить на такой вопрос нелегко. Кто отмеривает свою жизнь на точных весах разума? Да и невозможно это, художнику — тем более.

— Помните у Шекспира: век вышел из суставов, порвалась связь времен? Кому же быть теперь косто-правом?

— Фраза-предвидение. Погружаешься в него, Шекспира, грызешь яблоко познания... Чудо-англичанин, право.

Ну так вот, представляется, что время наше восстанавливает естественную связь времен, и, быть может, век как раз входит в свои суставы. Споры нет, процесс чрезвычайно болезненный. А костоправы — мы сами, народ.

Ответ, мнится, эстрадный. Но посудите: разве звенья верно были подобраны друг к другу? Точнее даже, не подобраны, а подогнаны. Вот и распалась, казалось бы, нерасторжимая связь времен — нравственная, социальная, экономическая.

все в белом свете, другие — в черно-белом. А по мне лучше всеми цветами радуги отражать жизнь.

Так вот, сила народа, мне кажется, в его нравственном состоянии. Ибо когда теряется нравственное начало, он начинает дичать. Отсюда — ненависть, насилие. Мы на себе это испытали. Не хочу ворошить Сумгаит и бередить раны. Одичание же разрушает, нет, не рождает, но — уничтожает, топчет, сжигает, причем без жалости. И физически, и нравственно.

— Александр Григорьевич, я знаю вас лет двадцать, помню, всегда о вас с похвалой отзывался и писал Арам Ильич Хачатурян, Арно Бабаджанян, с кем вы были друзьями. Но человек вы, не обижайтесь на прямо-ту, неудобный.

— Согласен. Меня всегда волнует состояние музыки, исполнительского искусства, судьба филармонии. Когда указываешь на недостатки, тогда называешь поименно

— Ну вот, дорогой Александр Григорьевич, а утверждали, что любите воспринимать жизнь во всех цветах радуги...

— В радуге не один розовый цвет! Впрочем, ладно. Поделюсь последними радостями.

Недавно создан детский национальный симфонический оркестр. В этом оркестре нет «звезд», нет знаменитостей с громкими именами. И не мудрено, ведь в составе, кажется, первого в стране детского симфонического оркестра Армении маленькие музыканты от 10 до 16 лет. А программа выступления столь необычного творческого коллектива вполне взрослая: Барбер, Ветховен, Штраус, Хачатурян, Гайдн...

— Я был на премьере, а потом на нашем авторском вечере, где играли юные солисты.

— Премьера детского национального симфонического оркестра, наверное, самая отрадная новость после пережитой нашим народом трагедии страшного землетрясения. Слава богу, детские души после надлома выпрямляются, как бы вновь познают радости жизни. Поверьте, трудно переоценить это событие духовного бытия Армении.

Кстати, создан он при республиканском центре эстетического воспитания, руководимом искусствоведом, народным депутатом СССР Генрихом Игитяном. А складывался на конкурсной основе, в котором участвовали полторы сотни детей не только из армянской столицы, но и сельских районов.

— Вы сказали, в оркестре нет «звезд»...

— Ну, исключение Алик Чаушян — лауреат международного конкурса, юная, одаренная флейтистка Кристина Авакян, Лусик Сарьян — внучка Мартироса Сарьяна — играла на моем вечере концертино для фортепьяно...

— При Ереванском городском Совете народных депутатов пару месяцев назад организовали молодежный симфонический оркестр, который должен стать подпитывающим источником Государственного симфонического оркестра. Таким образом, в Армении творят три поколения оркестров. Три оркестра, три надежных друга...

— Пацифизм нынче не в моде, но я скажу честно: смычок дороже сабли! Подковонец смычка — звучит-то как! Народ наш выжил и пронес сквозь тысячелетия любовь к слову мудрому, к музыке, певучей линии, к горному языку. А высокий дух неистребим ни снарядами, ни блокадой...

Как-то в газете прочитал о том, что в ереванской больнице лежит русский офицер, получивший ранение при защите села Манашид от нападения боевиков. В той же заметке говорилось, что днями исполняется восемь лет его дочке, живущей у рязанской бабушки.

И я поехал в больницу проводить славного офицера, взял у него рязанский адрес — хотелось поздравить девочку с днем рождения, сделать ей подарок.

Истинно говорю, сострадание выходит прежде того, кто страдает, а уж потом другого, на которого оно направлено.

— Александр Григорьевич, как вам сейчас живется?

— Совсем недавно вернулся из Баварии, где исполняли мой концерт для скрипки «Армения-88» литовский оркестр С. Сондецкиса и скрипач из Франции Э. Вульфсон.

Насыщенные дни были в Мюнхене. А вообще грустно.

— Грустно?

— Да. В сорок шестом, когда учился в Москве, мы с Арно Бабаджаняном и Эдвардом Мирзояном специально шли на парад, чтобы видеть на трибуне отца народов. А вот недавно прочитал книгу Липкина о Гроссмане — ужас. Помню, в тридцать седьмом взяли трех моих дядьёв, двое погибли в ссылке, а третьего выпустили из Бутырки, уже полусумасшедшего. Бородатый, он, как заведенный, повторял: «Я — Карл Маркс».

И еще помню, как в 1932 году в Ереване вели по улице Абовяна мужиков, говорили, кулаки.

Сколько бед внесли! Несчастья нам хватит на 5—6 европейских государств и на сто лет вперед. Оттого и грустно.

— Неужели на этой ноте и завершим беседу?

— А тебе непременно хочется счастливый конец?

— Хоть надежду.

— Она немислима без веры. Ее-то надо найти в душе.

Вел беседу
И. ВЕРДИАН.
(Наш соб. корр.)

ЕРЕВАН.

1975

Стало общим местом называть армянский народ народом-строителем. И это было оправдано. Было. Венский профессор Стржиговский целую монографию выпустил «Строительное искусство Армении и Европы». Многие зодческие стили ответвились от нашей. А откуда пошел купол на кватрате? Вглядитесь в армянские храмы — само совершенство, ничего лишнего, гармония духа, воплощенная в камне. И настоящая музыка должна быть похожей: чтоб та же гармония, но выраженная в звуках.

— Куда же подевалась эта великая традиция?

— Растеряли ее где-то на этом отрезке семидесяти лет. По камню растеряли, звено за звеном. Вот и раскололась цепь времен.

— Вроде и пушки не гремели долго, но почему-то музы примолкли.

— Гремели, гремели пушки. И в сороковые-роковые, и позже. Тоталитаризм опустошает душу, делает ее деревянной. Не только рубль. Лишь истинные гении, недюжинные таланты могли перекрыть любой гром, окрик ли, бряцание ли оружием. Почему муза Шостаковича в осажденном Ленинграде создала 7-ю симфонию? Даже в блокаде, когда трупы, люди коченели на глазах. Или Арам Хачатурян, или поэт Аветик Исаакян, или незабвенный Мартирос Сарьян...

— Какая тема вас больше притягивает?

— Это индивидуально. Одни любят

добным станешь. Кому приятно выглядеть глупцом или бюрократом бездарным! Да, я, наверное, неудобен, но не неугоден. Раньше я состоял в художественной киностудии. Ни в чем себе не отказывал — критиковал бездарные, безликие сценарии и настроил-таки против себя сценарную братию. Они говорили: «Наш ежик пришел, колоть будет». Ну недолго я ходил туда.

— Неудобно быть неудобным...

— Еще хуже жить в разладе с совестью.

Несколько лет назад слушали на бюро ЦК КП Армении вопрос о работе Армконцерта. Понесло меня тогда о репертуарной политике, да и вообще о концертной организации — я и в ту пору работал художественным руководителем Армконцерта. Видно, раздражается первое лицо кабинетные начальники, привыкли все решать, дела музыкальные, рошчерком говорю: зачем держать в маленькой республике концертного монстра? Для одной филармонии? Одного солдата при генерале...

Я и сейчас расстраиваюсь. Республика у нас жаркая, южная, но не имеет летнего концертного зала. Где это видано? А это беда уже от пресловутого остаточного принципа. Видно, не исчерпал он себя, если и теперь этот принцип живуч. Чтоб культура была делом второстепенным? И где — в Армении, стране с тысячелетней культурой?